

В полумраке дворца был заточён мужчина.

Его кожа, подобная белому фарфору, была опутана цепями, а на бледном теле выступал тонкий слой холодного пота, сквозь который проступали синеватые вены. Этот холодный пот почти намочил его черные, как смоль, пряди волос, которые шелковыми лентами прильнули к щекам.

Он походил на роскошный и хрупкий цветок, приковывающий к себе всеобщее внимание.

— Зачем ты притащил его сюда?

— Цзиньчжи, неужели ты не ненавидишь этого собаку-императора? Он ведь силой принудил тебя и сотворил с тобой такое! — в глазах Хань Чжэна таилась мрачная тьма.

Линь Цзиньчжи поджал губы, а в глубине его глаз плескались глубокая ярость и ненависть: — Конечно ненавижу! Ни в одном свете нет человека, который ненавидел бы его сильнее меня!

— Тогда не вини меня за то, что я это сделаю! Он по заслугам получил поделом!

[Система выполняет исправление, показатель красоты увеличен на 100%.]

[Установление связи с хозяином.]

Среди этого шума и гама Чу Янь открыл глаза.

Тело словно переехали колеса телеги, и от боли его лицо невольно побледнело.

Стоило ему открыть глаза, как он тут же оглядел окружающую обстановку.

Вокруг поднимались струйки благовоний — это были изысканные покои. Пространство здесь было огромным, а пол застилал слой красного шелка.

У Чу Яня раскалывалась голова.

Твою мать, почему его снова посадили под домашний арест?

Его руки и ноги были опутаны цепями, а взгляд его подобных холодным звездам глаз слегка рассеялся, пока он смотрел на споривших неподалеку двоих мужчин.

Стоило ему оказаться в этом мире, как Чу Янь тут же получил воспоминания первоначального владельца тела.

Мягкого и утонченного молодого господина, произнесшего те слова, звали Линь Цзиньчжи, а собакой-императором называли его — Сяо Чэнь.

В детстве Сяо Чэнь терпел бесчисленные издевательства. Будучи сыном простой дворцовой служанки, он был тем, над кем мог помыкать каждый. Старшие братья-принцы то и дело заставляли его вставать на колени и катались на нем, как на собаке; евнухи и служанки лицемерили и кормили его испорченной едой.

Если бы все продолжалось так и дальше, он бы еще смог это стерпеть. Но когда ему исполнилось семь лет, Сяо Чэнь взял на воспитание Наследный принц, который постоянно принимал Порошок холодного камня. Из-за воздействия лекарства характер Наследного принца стал мрачным и переменчивым: хотя одежда и еда у мальчика были изысканными, после приема зелья принц то и дело жестоко избивал Сяо Чэнь. Это привело к тому, что Сяо Чэнь вырос жестоким и свирепым. Взошедший на императорский престол после того, как старшие братья перебили друг друга, он стал тем самым рыбаком, что забрал всю добычу.

Лишь Линь Цзиньчжи отличался от остальных.

В юности он неоднократно помогал Сяо Чэню, и в полном мраке детском сердце мальчика забрезжил свет. Всё его сердце было обращено к Линь Цзиньчжи, он дорожил им и лелеял его, но Сяо Чэнь случайно подслушал тайный разговор Маркиза Линь с кем-то другим.

Оказалось, что вся забота Линь Цзиньчжи была фальшивой.

Этот Маркиз Линь тоже был весьма занятым человеком: без великого размаха и не отличающийся особой безжалостностью. Но он переродился. Он знал, что в будущем Сяо Чэнь станет императором, и прекрасно помнил, сколь страшной смертью умер его единственный сын Линь Цзиньчжи в прошлой жизни из-за того, что встал не на ту сторону.

Хотя Маркиз Линь был человеком холодным, он безумно любил своего единственного сына и поклялся вымостить для него дорогу.

Испробовав несколько способов и не сумев убить маленького Сяо Чэня, Маркиз Линь решил, что Сяо Чэнь — истинный Сын Неба, защищенный самими небесами. К тому же из-за собственного перерождения он испытывал суеверный трепет перед подобными непостижимыми вещами.

Не сумев убить Сяо Чэня, Маркиз Линь был вынужден придумать другой план.

В будущем он станет мрачным и бессердечным, поэтому я прикажу слугам столкнуть его в пучину отчаяния, а затем протяну руку помощи и стану для него единственным светом.

Тогда Сяо Чэнь непременно будет душой и сердцем привязан к Цзиньчжи.

Услышав эти слова Маркиза Линь, Сяо Чэнь побледнел как полотно.

Собеседник внутри спросил Маркиза Линь: — А молодой господин знает об этом?

При этих словах сердце Сяо Чэня сжалось от предвкушения: если Линь Цзиньчжи был не в курсе, то он...

Однако слова Маркиза Линь разрушили последнюю надежду Сяо Чэня: — Цзиньчжи

необычайно умён, он наверняка догадался, чего я от него добиваюсь.

В тот момент душа Сяо Чэня окончательно искривилась и почернела.

Тепло, которое он считал искренним, оказалось лишь тщательно спланированным обманом.

Сяо Чэнь хотел дать Линь Цзиньчжи последний шанс, но тот тайком отправился навестить бывшего Наследного принца — Ван Лина, который теперь находился под его домашним арестом. Подумать только, ведь именно этот Ван Лин... сильнее всех издевался над Сяо Чэнем в прошлом.

В конце концов Сяо Чэнь окончательно пал во тьму.

Тогда он сломил гордыню Маркиза Линь, лишил его официальной должности, заставил Линь Цзиньчжи войти во дворец и силой овладел им.

Раз уж вокруг лишь тьма — погружайся в неё вместе со мной.

Умру я — умрёшь и ты. А почему Чу Янь проснулся именно в этой спальне — так это потому, что Линь Цзиньчжи вместе с генералом Чжэньюаня Хань Чжэном поднял мятеж.

В день государственного переворота его заперли здесь.

Жалкое, до чего же жалкое зрелище: первоначального активного партнера стараниями принудительно превратили в пассивного.

К тому же...

Методы Хань Чжэна отличались крайней жестокостью. Конечности Чу Яня оплетали тонкие длинные цепи, а рот был набит хлопком, чтобы он не мог покончить с собой. По приказу Хань Чжэна те евнухи должны были развлекаться с ним при помощи Юйши.

Чу Янь стиснул зубы.

Большинство поручений, которые получал Чу Янь, сводились к реабилитации, но как смыть с себя скверну в таком плачевном состоянии?

Система: [У-у-у, на этот раз задание ужасно трудное, отмыться будет непросто.]

[Полно, не дури, включи мне блокировку боли.]

[Запрос принят~]

Боль исчезла, но Чу Янь снова почувствовал зуд...

[Полностью заблокируй ощущения в нижней части тела.]

Линь Цзиньчжи смотрел на Чу Яня через решетку, и жалкий вид последнего наконец-то принес ему толику радости.

Ты принуждал меня, а теперь разве не терпишь унижения от этих евнухов?

Эту самую спальню Чу Янь когда-то приготовил для него самого: она была сплошь уставлена цепями, хотя его так и не заперли здесь с самого начала до конца.

В глазах Линь Цзиньчжи промелькнула насмешка — пусть же теперь темницами, подобными клетке, наслаждается тот, кто их и спроектировал.

Вскоре вошел подчиненный и, перекинувшись с кем-то шепотками, доложил обо всем случившемся. В глазах Хань Чжэна мелькнуло удивление:

— Князь Синь просит разрешить войти во дворец, похоже, мне придется на время отлучиться.

Линь Цзиньчжи раздраженно бросил:

— Мм.

Лишь когда Хань Чжэн ушел, Чу Янь тихонько всхлипнул.

Пока Хань Чжэн находился здесь, Чу Янь не издавал ни звука, и только после его ухода вырвался этот слог. Звук казался выдавленным из самого предела сил, а затем задрожал.

Лицо Чу Яня стало еще бледнее, словно он презирал собственную слабость за то, что не сдержался и подал голос.

В сердце Линь Цзиньчжи шевельнулось странное чувство: он не ожидал, что, будучи растоптанным до такого позора, Чу Янь так и не взмолится о пощаде. Наблюдая за тем, как евнухи глумятся над его телом, Линь Цзиньчжи невольно сузил потемневшие глаза.

Он был слишком соблазнителен.

Возможно, прежде, когда Чу Янь принуждал его, всегда стояла кромешная тьма, и Линь Цзиньчжи не видел его тела, но нынче мог любоваться им среди бела дня.

Чу Янь с детства рос в роскоши, окруженный заботой, и его кожа сияла гладкостью, словно бараний жир. На его руках и ногах красовались оковы, и темное холодное железо лишь отчетливее подчеркивало его безупречную, подобную нефриту красоту.

Горло Линь Цзиньчжи перехватило, но когда он пришел в себя, ненависть на дне его глаз не уменьшилась ни на йоту.

— Что, Ваше Величество получили удовольствие от забав этих людишек?

В тех прекрасных, расточающих чары персиковых глазах остались лишь серость и мертвенная тишина, но из-за принятого лекарства и охватившего возбуждения уголки глаз Чу Яня алели ярким румянцем. Уголки его рта дважды шевельнулись, и он издал пару невнятных звуков, будто пытаясь что-то сказать.

Голос Чу Яня звучал очень тихо, к тому же рот был заткнут хлопком, так что Линь Цзиньчжи не разобрал слов.

Линь Цзиньчжи нахмурился:

— Громче.

Чу Янь снова промычал что-то в ответ, но Линь Цзиньчжи по-прежнему ничего не расслышал.

Ему пришлось приказать евнухам временно остановиться и вытащить хлопок из рта Чу Яня.

— Что ты сказал?

— Подойди... подойди ближе.

Линь Цзиньчжи волей-неволей пришлось податься вперед.

Кто бы мог подумать, что Чу Янь вдруг оставит легкий поцелуй на его щеке.

В тот же миг Линь Цзиньчжи взбесился и, сжав зубы, вцепился в горло Чу Яня:

— Дошло до такого, а ты все еще смеешь принуждать меня?

[А-а-а, хозяин, хватит злорадствовать! Зачем ты поцеловал Линь Цзиньчжи?!]

[Хэй, я просто пошутил.]

[.....]

[Это весело — немного подурочиться.]

[.....]

Линь Цзиньчжи, казалось, и впрямь был готов придушить его, но в глазах Чу Яня проступила боль.

Почему... все эти дразнящие десять с лишним лет ты лишь обманывал меня?

Обогрел, а после бросил.

Все... оказалось обманом.

Линь Цзиньчжи едва сдерживался, чтобы не прикончить Чу Яня, но в конце концов разум вернул его к действительности.

Чу Янь пока еще не мог умереть! Иначе их с Хань Чжэном сил не хватило бы, чтобы держать в повиновении всех чиновников при дворе!

Лицо Линь Цзиньчжи посинело, и он разжал пальцы, отпуская Чу Яня.

Чу Янь опустил голову, но вдруг жестоко рассмеялся. Его грудь тяжело вздымалась, и каждый смешок отзывался болью в расходящихся ранах.

Однако он продолжал смеяться — беззвучно.

— Чему ты смеешься?

Чу Янь не ответил сразу, лишь глухо, с надрывом произнес:

— Разве вся моя жизнь не заслуживает насмешки?

Линь Цзиньчжи с подозрением посмотрел на него и лишь с опозданием широко раскрыл глаза.

Чу Янь хотел умереть. Поцеловав его, он пытался разозлить его, чтобы тот убил его.

Он чуть снова не попался на уловку этого собачьего императора! Линь Цзиньчжи ненавидел Чу

Яня еще сильнее. Неужели тот хочет, чтобы прославленный веками преданной службой клан Цзи понес клеймо цареубийства? Мечтай!

Он наклонился к Чу Яню:

— Каково это — когда тебя касаются эти презренные низкопробные люди? Те штуки доставили тебе удовольствие?

Взгляд в глазах Чу Яня почти расфокусировался, затуманившись пеленой.

Он давно должен был понять, что никто не полюбит его. Даже забота Линь Цзиньчжи оказалась фальшивой, насквозь пропитанной корыстной грязью.

И тогда Чу Янь нарочно произнес:

— Попробуй сам, разве не узнаешь? Или раньше, когда ты подстилался подо Мной... разве было не приятно?

Эти слова услышали евнухи, отчего ненависть в сердце Линь Цзиньчжи стала еще гуще.

Он даже сейчас пытался его оскорбить.

Опасаясь, как бы евнухи не услышали чего еще, Линь Цзиньчжи приказал им убираться, оставив их с Чу Янем вдвоем.

Глядя на такого Чу Яня, он с ненавистью произнес:

— Тебя ведь до сих пор по-настоящему не касался ни один мужчина, верно? Скоро узнаешь, каково это — испытывать отвращение.

В юности он действительно испытывал жалость к этому чистому, сияющему, подобно луне в облаках, ребенку.

Хотя Чу Янь происходил из низов, с самого детства он отличался прекрасной, выдающейся внешностью. Он унаследовал черты матери: в его утонченных чертах лица из-за тех самых персиковых глаз, сулящих страсть, сквозила яркая, манящая красота. Линь Цзиньчжи и сам когда-то обратил на него внимание именно из-за его лица.

Однако этот ребенок постепенно рос, а затем сотворил с ним такое.

Пальцы Линь Цзиньчжи проникли в потаенное место Чу Яня, и от этого внезапно ожил погруженный в мертвую тишину Чу Янь.

Его губы были бледными, казалось, движение Линь Цзиньчжи испугало его.

— Прекрати!

Но Линь Цзиньчжи сделал назло.

— Раз уж те евнухи могли использовать Юйши, чтобы касаться тебя, почему я не могу?

Чу Янь посмотрел на него взглядом, смысл которого Линь Цзиньчжи не мог постичь, а боль на дне его глаз была бездонной.

Казалось, стоило Чу Яню испытать боль, как Линь Цзиньчжи чувствовал, что ненависть в его сердце хоть немного отступает.

Однако он услышал слова Чу Яня:

— Им можно всем, кроме тебя.

Сердце Линь Цзиньчжи захлестнула волна гнева.

Чу Янь готов позволить прикасаться к себе этим презренным ничтожествам, но не хочет отдаться ему?

В следующее мгновение Линь Цзиньчжи навалился сверху. Чу Янь прищурился:

— Просто пошутил, ничего страшного. Только вот техника у товарища Сяо Линя, откровенно говоря, хромает.

—

— Он умеет только туда-сюда, никакого удовольствия.

— Хозяйин, я только что заблокировала ощущения в нижней половине вашего тела.

— !!! Верни всё как было!

Ночь выдалась бессонной.

В покоях приготовили самый мягкий матрас, ступать по которому было совсем не больно.

Линь Цзиньчжи с мстительным наслаждением оглядывал обнаженное тело Чу Яня, а в глубине его глаз проступала злоба:

— Это покои, которые ты для меня обустроил. Раньше ты еще говорил, что держишь их здесь, чтобы запирать своего наложника. Сегодня я использую их, чтобы запереть тебя.

Чу Янь стиснул зубы, его грудь тяжело вздымалась.

Он поднял голову, посмотрел на Линь Цзиньчжи и холодно выплюнул два слова:

— Лжец!

Линь Цзиньчжи слегка замер.

В глазах Чу Яня, которые по идее должны были потухнуть навсегда, вспыхнула ярость, заставив их ярко заблестеть. В сочетании с телом Чу Яня, сплошь покрытым синяками и следами от ударов, нужно признать... в этом было некое извращенное, притягательное великолепие.

В глубине души Линь Цзиньчжи поднялась волна сильнейшего кайфа.

Он отомстил ему, прижал к постели самого благородного человека в Поднебесной, заставив того испытать то же самое унижение, через которое когда-то прошел он сам.

Но почему Чу Янь назвал его лжецом?

Линь Цзиньчжи нахмурился.

Скоро должен был вернуться Хань Чжэн, и Линь Цзиньчжи пришлось покинуть это место.

Он не позволил евнухам принести приличную одежду и заставил Чу Яня облачиться в полупрозрачные шелковые одежды, похожие на наряды бродячих артистов — настолько тонкие, что сквозь них просвечивала кожа. Пусть тот тоже изведает вкус позора.

Линь Цзиньчжи оттолкнул створку двери и уже собирался выйти, но почему-то, поддавшись странному порыву, бросил взгляд назад.

Тот, кто никогда не плакал, уткнулся лицом в пол и, утыкаясь носом в ковер, издал глухой, отчаянный стон. Это был звук предельного горя, вид человека, который больше не в силах держаться.

При виде этой картины сердце Линь Цзиньчжи неожиданно дрогнуло.

Он яростно нахмурился: ведь он ненавидел его.

Эта показная слабость была лишь уловкой, чтобы усыпить его бдительность, а когда он протянет руку из жалости, тот вонзит в него самые острые ядовитые клыки.

Разве не в этом он был всегда искуснее всего?

На сердце у Линь Цзиньчжи стало тяжело, и он, толкнув дверь, ушел.

— Вот же негодяй! Даже после того как всё сделал, не соизволил убрать за собой!

— Хватит дурачиться, моя игра на публику выглядела убедительно? Значение уровня раскаяния Линь Цзиньчжи увеличилось на полсердца.

Чу Янь прищурился:

— Отлично, просто отлично.

— Хозяин, почему ты не разоблачил маркиза Линя? Разве тогда недоразумение Линь Цзиньчжи не рассеялось бы, и уровень раскаяния не подскочил бы вмиг?

— Не говори о чудесах, силах и духах. Сказать, что маркиз Линь переродился? Да как он в это

поверит!

К счастью, из-за того, что первоначальный владелец тела не убил маркиза Линя, у него всё ещё оставался шанс отмыть свою репутацию.

Нужно сделать так, чтобы Линь Цзиньчжи испытал боль, невыносимую боль. Только терзающее сердце и сжигающее душу раскаяние сможет смыть ненависть со щёки первоначального владельца.

И с этим заданием по очищению репутации связаны такие вещи... Чу Янь подумал...

Хе-хе, как интересно, как интересно.

Семена сомнения он уже посеявший, так что оставалось только посмотреть, как поступит премудрый Линь Цзиньчжи.

—

К своему удивлению, на следующий день Чу Янь дождался вовсе не Линь Цзиньчжи, а Хань Чжэна.

Когда Хань Чжэн вошёл в комнату, Чу Янь издал насмешливый фырк.

Лицо Хань Чжэна потемнело:

— Ты чему смеешься?

Чу Янь поднял голову, и цепи на его теле издали звонкий лязг:

— Я смеюсь над тобой.

Лицо Хань Чжэна стало ещё более мрачным.

Какой-то узник в кандалах — и смеет насмехаться над ним?!

Хань Чжэн крепко стиснул зубы.

В глазах Чу Яня мелькнули сочувствие и жалость:

— Ты так сильно любишь Линь Цзиньчжи, да ещё и помог ему устроить переворот, а его взгляд до сих пор падает только на меня?

Заметив на теле Чу Яня синяки и багровые следы, Хань Чжэн невольно о чём-то подумал.

— Цзиньчжи переспал с тобой?

Чу Янь слегка усмехнулся, словно высмеивая самого себя:

— Ну и что?

Ну и что... Ну и что же?! Сейчас ему хотелось лишь убить Чу Яня!

Дошло до такого, а Цзиньчжи всё ещё обманут этим собакой-императором и до сих пор не видит истинного положения дел!

Выражение лица Хань Чжэна стало ещё холоднее, черты его лица выглядели сурово и резко, а аура походила на острый клинок, обогrenного кровью. Этот молчаливый взгляд, полный убийственного намерения, устремленный на Чу Яня, внушал ужас.

— Хозяин, почему ты снова разозлил Хань Чжэна?! Он же твой соперник в любви!

— Не спеши. — В глазах Чу Яня застыл суровый холод. — Объект задания — мой, и соперник в любви — тоже мой.

— ...Хозяин, неужели ты хочешь...

— Соблазнить его.

Системное сердечко перепугалось не на шутку и забилося быстрее.

Ведь оно было всего лишь набором данных!

Соб, соблазнить соперника в любви?!

Как вообще устроен этот ход мыслей?

— Если не надеть на моего дорогого Сяо парочку зеленых шляп, он так и не поймет, насколько я востребован.

— ...

— Как весело побыть озорным — V —

Хозяин-великий, да ты так весел, что даже смайлики для кавайности используешь!

Хань Чжэн стоял в стороне и, понизив голос до устрашающего тона, бросил на Чу Яня взгляд:

— Бесстыдник!

Оскорблять монарха бесстыдником?

Тело Чу Яня слегка задрожало, но его гордость не позволяла ему выказать ни капли слабости.

— Бесстыдник? Тогда почему ты так смотришь на меня? Неужели хочешь во всех подробностях рассмотреть следы, которые оставил на мне Линь Цзиньчжи?

Хань Чжэн подавился в горле. Ему страшно хотелось отвести глаза, но он не мог.

Тело Чу Яня было прекрасно. Он и не подозревал, что этот жестокий правитель обладает столь невероятно красивым телом. В комнате было не холодно, однако на белой коже сквозила розоватость от жара, словно бутон персикового дерева на пороге распускания.

Особенно в сочетании с незапятнанной белизной, покрытой следами страсти и вожделения.

Дыхание Хань Чжэна сбилось.

Вчера Линь Цзиньчжи издевался над ним с жестоким упорством и не стал очищать его изнутри.

Когда разъяренный Хань Чжэн вошел и сжал его подбородок, Чу Янь от слабости не смог

сдержаться, и то, что было внутри, вытекло наружу.

В глазах Чу Яня мелькнула паника, и наконец они заволоклись туманом жгучего стыда; в этом сияющем влагой взоре внезапно залегла дымка.

Как красиво.

Человек, который только что давил на него со всей силой, сейчас вдруг изменился в лице, и Хань Чжэн почувствовал, что и бить его расхотелось, и во рту пересохло.

Особенно когда этот правитель, всегда державший нос задиристо высоко, выглядел теперь вот так.

— Проваливай!

— Ты и теперь в таком положении смеешь кому-то приказывать?

Чу Янь крепко прикусил губу, и из глубже всего горла вырвалось:

— Вон!

— Раз уж ты любишь мужчин, я позволю тебе насладиться этим вдоволь. — Хань Чжэн взял стоявшую рядом шкатулку и открыл её: внутри всё было заполнено Юйши. Способ отомстить Чу Яню он видел в том, чтобы унижить его этими вещами.

Чу Янь судорожно втянул воздух, и его тело затряслось мелкой дрожью.

Его шелковистые черные волосы скользнули в левую ладонь Хань Чжэна. Хань Чжэн легко зачерпнул прядь, и она тихонько заструилась вниз.

Хань Чжэн был очарован, он замороженно и тупо глядел на Чу Яня.

<http://bllate.org/book/22166/2309054>